

ПИКОВАЯ ДАМА

...20 июня 2008 перебрались мы в Вену. Прочёл я лекцию в Техническом университете на

занимательную тему Фрактальная диффузия и диффузия по фракталам – подивил немчуру, охрип на стадионе (Европейское первенство по футболу – мероприятие занимательное, хоть я – не болельщик), погулял со спутниками по Рингу, осмотрел пляшущий дом эколога-придурка Хундертвассера, сходил на выставку Фантастическое искусство, посидел в биргартене.

Всё, как доктор прописал...

К вечеру, однако, потянуло на подвиг. Захотелось совершить что-нибудь такое не стандартное, в наших кругах невиданное.

- Пошли в Оперу?

- Пошли!

Нужно проверить утверждение одессит, что здание одесского оперного театра точная копия венского? Нужно!

Что касается оперного искусства, то известно, что венцы обожают

мёртвых композиторов. Да и местный анекдот все знают: «Командир: наш самолёт приземлился в аэропорту Вены, приведите спинки кресел в вертикальное положение, не курите и переведите стрелки часов на сто лет назад». Понятно, что нам предъявляют что-то замшелое-посконное. Ну, да ладно – переживём.

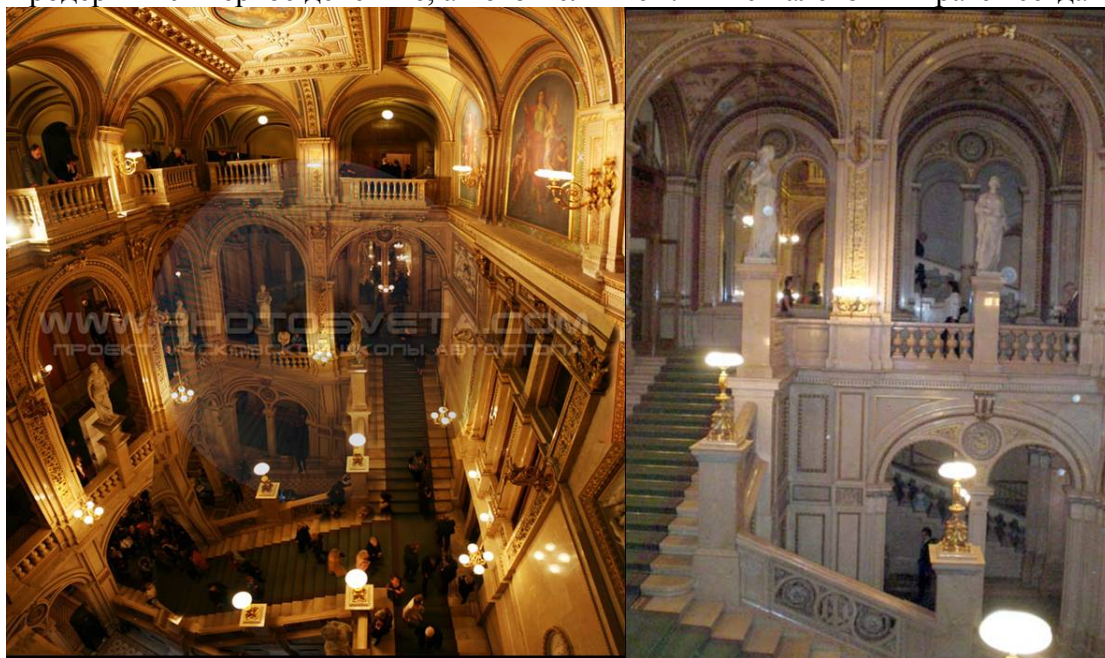
Сначала мы осмотрели театр снаружи. Внешне на Одесский он никак не похож, хотя бы потому, что фронтоны Оперы в Одессе полукруглый, а здесь – квадратный. Одесский театр строили действительно венцы, родным традициям они придерживались, но пороли отсебятину, как могли.

И без вопросов к Яндексу известно, что сейчас, открытая в 1869 году Венская государственная опера, входит в пятерку лучших оперных театров мира. Архитекторы Август фон Сиккардсбург и Эдвард ван дер Нюлл, проектируя здание Wiener Staatsoper черпали свое вдохновение в раннем Возрождении. Естественно, современники их не поняли. Постоянные нападки венцев, критика императора Франца Иосифа привели к трагедии: Нюлл (внутренняя отделка) повесился, а Сиккардсбург (само здание) умер от инфаркта два месяца спустя. После этого все поняли, что Опера - лучшее театральное здание мира с великолепной акустикой. А император закалялся кого-либо критиковать. Кстати, здесь любил бывать известный ценитель искусства, художник и архитектор Адольф Гитлер. Здание разрушено бомбой англо-американцев в 1945 и восстановлено в 1955. В нём 2200 мест (в Одессе - 1664), первый спектакль на открытии театра - опера Моцарта «Дон Жуан».

Мы купили стоячие билеты (2 евро штука) и вошли в театр. Вход и парадная лестница с колонными и светильниками на высоких подставках, действительно похожа на одесскую – выполнена в стиле венского барокко. (А что вы хотите? Архитекторами Одесской Оперы были венцы: Фердинанд Фельнер и Герман Гельмер). Но прямым плагиатом они не занимались. Зрительный зал здесь намного больше, традиционной

полукруглой формы (в Одессе, как все знают, зал – в виде подковы, что обеспечивает ему уникальную акустику – поцелуй на сцене слышен в любом уголке). Здесь – раннее французское барокко, там – позднее французское-же рококо. Почувствуйте разницу! Зал в Вене, кстати, выше – шесть ярусов (насколько я помню – в Одессе их три). Так что одесситы на счёт театров-близнецов малость привирают...

Мы взобрались на последний ярус. Билетёрша попыталась отобрать у нас пакет с бутылкой воды, но, оглядев наш прикид, и поняв, что мы русские, махнула рукой. Давали «Пиковую даму» на русском языке. Казалось бы – кому нужно это дряхлое произведение искусства, исполняемое на неизвестном аборигенам языке в разгар такого актуального события, как первенство Европы по футболу? Да ещё поставленное тёткой-режисёром, болгаркой Верой Немировой, и с оркестром под управлением престарелого японца Сёйджи Озава. Что они понимают в русской душевности? Ничего! Театр должен был быть абсолютно пуст, с тем, чтобы мы могли расположиться с полным комфортом. Не тут-то было! Театр был полон, людей было вдвое больше, чем пресловутых 2000 сидящих мест, всё доступное пространство было заполнено, только что на люстрах не висели. Пришлось мне за спинами впереди стоящих сесть на ступеньку, подпереть кулаками челюсть и слушать музыку. Смотреть особо нечего, хоть я и не театрал, но содержание знаю. Продержимся первое действие, а потом слиняем. Мы с Балеком в Праге всегда так делаем.

Однако, то что мельком удалось увидеть мне на сцене, насторожило. Увертюра звучала нормально, по-русски – расхлябано и душевно. Открылась сцена – ободранные под нищету стены, с полукруглыми окнами, справа – лестница, ведущая в застеклённое помещение на втором этаже, над лестничным портиком – висит потертый значок с надписью «ВЛКСМ».

- Модернизм, - догадался я.

Действие оперы началось в детском доме побудкой детишек. Хор мальчиков возопил «Беги иль покорись! Ура! Ура! Ура!», и на призыв командира-девочки «Будь готов!» отвечал стандартно: «Всегда готов!». Подрядчики – Чекалинский и Сурин после появления Томского достали из дипломата сначала флягу, потом большую нечищеную сельдь и начали её вертеть, не зная, что с ней делать без ножа. Покосившись на зелье и закусь, Герман впал в истерику и завовопил ариозо «Я имени её не знаю». Казалось бы, Германа исполняет солидный дядька – американский 58-летний Нейл Шикофф – можно ждать чего-то консервативно-концептуального, но нет! Уже сам звенящий тембр его тенора задал истеричность (здесь я не говорю о таких шутках, как выдача вместо «тебя люблю» - «тиебия лиублиа», это – мелочь). Неврастеник, страшный своей клинической

непредсказуемостью. Мужик хочет всего и сразу, в один замах. Тут он не ленится, энергии не занимать, в ход идёт всё – оружие, член, охмурёж...

Наконец в детский дом, в норковой шубе до пят прибывает Графиня с Лизой. Немедленно включился мистический квинтет – пять голосов (каждый сам по себе) – затянул «Мне страшно!». Лиза всех перекрыла. 38-летняя Мартина Серафим – обладательница сильного «вагнеровского» голоса – ощущала себя Брюнгильдой, причём девушкой с опытом: Герман у неё не только на первый, но и не десятый. Мельком взглянув на него, она бросилась на пол, раздвинув ножки, так что Герман оторопел от такого напора, но всё же её честно оттрахал. Далее она обращалась с полупомешанным женихом («Зачием Вы здесь, безумный чиаловиек?!»), как опытная медсестра в больнице Кащенко. Непонятно, зачем топиться в Канавке? Взяла бы Германа за шкуру и шмякнула башкой об стену! Она и не стала подвергать свою жизнь опасности, просто скрылась за зонтиком – и всё. Почему она Германа не пришила – тайна постановки. Хотя понятно: мужик успел слинять в казино...

Герои, попугав друг-друга, затянули: «Небес чарующая прелесть...». Естественно, тут же разверзлись хляби небесные, началась гроза. За окнами полил дождь, хористы вбежали в помещение и раскрыли чёрные зонты. Сцена «Уж вечер... Облаков померкнули края» прошла за разбором вещевых посылок. Гувернантка, прерывая веселье девушек («Не стыдно ль вам плясать по-русски!»), выхватывает себе из одного чемодана ярко-красный бюстгальтер в виде сдвоенного сачка для рыб и прячет себе за пазуху. Лиза бродит в прозрачной ночной рубашке, но поскольку далее следует текст Маши «Прикажете помочь раздеться?» – Лиза натягивает плащ, потому как без этого плаща нелепо предлагать помочь что-то снять. Испуг от появления психа Германа, Мартина играет убедительно, ей ясно – мужику не до лирики. Выяснить отношения они не успевают из-за появления Графини – 68-летней примадонны Аней Силья. Демоническая пластика, мощная энергетика «старой ведьмы» притягивает и отталкивает одновременно («Могильным холодом повеяло вокруг!»). Бал начинается с дефиле длинноногих красавиц в меховых шкурах, потом появляется распорядитель бала в белом костюме с микрофоном и объявляет начало праздничного шоу «Искренность пастушки». На сцене появляются четыре пары разнополых трансвеститов, которые, спустившись с лестницы, имитируют на стульях половой экстаз; на самой лестнице в педерастическом окружении происходит вакханалия «про пастушку»: Прилепа – переодетая балериной пышнотелая исполнительница партии Маши – выделяет стриптизные па, Миловзор – Полина в красной ковбойской шляпе и в кожаных штанах-юбке – подтанцовывает в том же стиле. Появляющийся Златогор одаривает Прилепу долларовыми купюрами, которые тот передает Миловзору, прячущему их у себе в карманах... Заканчивается паранойя тем, что сцену накрывает дождь из долларовых купюр вперемежку с цветными бумажками, а сцена с ключом между Лизой и Германом уже проходит на фоне совокупляющихся в застекленном кабинете Графини мужиков, закутанных в леопардовые шкуры...

Появление царицы Екатерины на балу выдано в лучших традициях детских утренников: Аня Силья в платье Екатерины II и в сопровождении Прилепы и Миловзора появляется в центральном проходе партера, доходит до 3-го ряда, приветствует зрителей и уходит. Герман, попав в спальню Графини, смотрит не на портрет, а на саму Графиню «за стеклом» и произносит: «Гляжу я на тебя и ненавижу, а насмотреться вдоволь не могу!». Роковая связь между Германом и Графиней показана грубо, но убедительно: здесь и геронтофилия, и некрофилия, и намеки на инцест (уж не сын ли к маме пришёл?!). Не раздумывая, Герман бросается на полумертвую Графиню «Старая ведьма! Так я же заставлю тебя отвечать!» – кричит Нейл Шикофф в такт своим фрикциям. В следующей сцене никакой призрак к Герману не приходит: Шикофф сам залезает «в гроб» к Графине, и она, в буквальном смысле слова им затраханная, сдаётся: «Тройка, семерка, туз» и далее – оргазм со смертью.

Сцена «Я истомилась, я исстрадалась» после всего пережитого воспринимается как уговоры Лизы самой себя в стиле «Не верь своим глазам!» (в предыдущей сцене Лизонька застаёт Германа как раз поверх Графини). Но факты неумолимы, а на словах Германа «Я только поднял пистолет, и старая колдунья вдруг упала!» русскоязычные зрители громко ржут. В финальной сцене бомжи приносят на драном одеяле тело Лизы в Казино и укладывают на игорный стол, окружённый «однорукими бандитами». Все игроки увешаны проститутками. Герман играет в русскую рулетку наоборот: оставляет в нагане одну пулю и по очереди выстреливает в голову Сурина и Чекалинскому... никто не пытается его остановить... почему – нет? Обычное дело! Наконец, ему самому удалось застрелиться (насколько я помню, он должен был заколоться) на теле Лизы. Призрак Графини не появляется: отдыхает старушка от впечатлений.

Крутая вещь!

В результате, мы не только не ушли в антракт, а простояли на ногах всю порно-оперу Чайковского, сочувствуя Герману в его трудовых подвигах. Слегка прибалдевшие, даже не взглянув на парадную лестницу, покинули мы главную Оперу мира и вышли в город.